

Цзи Синхань.

Ни один курсант не был незнаком с этим именем, но никто и подумать не мог, что главнокомандующий команды курсантов лично свяжется по каналу связи с этим отстающим отрядом.

Чу Сяо понадобилось несколько секунд, чтобы прийти в себя:

— Слышу, главнокомандующий!

Цзи Синхань не обратил внимания на обращение «Главномандующий», немного подумал и спросил:

— Чу Сяо?

Чу Сяо ответил:

— Это я.

На базе команды Цзи Синхань снова посмотрел на имя, лидирующее в текущем рейтинге очков — Чу Сяо.

Именно из-за впечатляющих 14 баллов он решил скорректировать тактику и напрямую связался с 20-м отрядом.

Цзи Синхань спросил:

— Ты капитан 20-го отряда?

Чу Сяо:

— Да, главнокомандующий!

Слова, которые Цзи Синхань собирался продолжить, застряли у него на губах, и он не удержался, добавив:

— Ты можешь не называть меня главнокомандующим каждый раз.

Чу Сяо понял намёк:

— Хорошо, главнокомандующий!

Цзи Синхань: ...

В канале связи воцарилось недолгое молчание.

— Время ограничено, продолжим, — голос Цзи Синханя оставался неизменно спокойным. — Пожалуйста, слушайте внимательно. На другой стороне сейчас идёт подготовка к атаке. Цель — вражеский опорный пункт №3, расположенный дальше всего от вас. Пока мы его не захватим, я надеюсь, вы сможете продолжать сдерживать огневую мощь противника.

Он намеренно чётко описал ситуацию:

— Если не случится ничего непредвиденного, главнокомандующий противника вскоре отправит другие отряды для вашего окружения. В тот момент на поле боя прибудет от двух до четырёх отрядов. Я знаю, что численное преимущество будет на их стороне, но я надеюсь, что, независимо от того, какими методами, вы сможете как можно дольше их удерживать.

— Два часа, — сказал Цзи Синхань. — Мне нужно как минимум два часа времени.

Чу Сяо:

— Принято. Гарантирую выполнение задания, главнокомандующий!

Цзи Синхань предполагал, что другая сторона будет колебаться под огромным давлением, но он получил такой решительный ответ:

— Ты, кажется, очень уверен.

— Уверенность — это то, что даёшь себе сам, — Чу Сяо просто улыбнулся. — Не беспокойтесь, главнокомандующий. Раз я получил ваш приказ, я выполню его, даже если придётся отчаянно сражаться, не жалея жизни. Главное — бороться до последнего, всё ради победы!

— ...

Цзи Синхань «хмыкнул» в ответ на столь дерзкую речь, оставил фразу «Тогда я полагаюсь на вас» и прервал связь.

В коммуникаторе снова раздался лёгкий шум, характерный для командного канала. Наконец, кто-то робко спросил:

— Главнокомандующий сказал, сколько отрядов придут нас окружать?

Чу Сяо ответил:

— От двух до четырёх.

У бойца потемнело в глазах:

— То есть, до тридцати-сорока человек? Но нас осталось всего пятеро! Как мы будем сражаться?!

Чу Сяо, как всегда, смотрел на вещи оптимистично:

— Будем сражаться, как и в прошлый раз.

Недавнее сражение сократило численность 20-го отряда вдвое. При таком темпе полное уничтожение было лишь вопросом времени.

С того момента, как заговорил Цзи Синхань, Бай Лумин стоял у окна и молчал. Слушая разговор в командном канале, он лишь бросил взгляд вдаль.

Там, в том направлении, находилась база округа Нави.

Отправив 20-й отряд в качестве приманки, молодой главнокомандующий уже продемонстрировал явное намерение отвлечь внимание. Однако, после частого обновления списка очков, он, кажется, окончательно осознал, что может ещё больше извлечь выгоду из ситуации.

Команда Нави, в конце концов, была командой по обмену из военного округа седьмого уровня, который превосходил их. Выступать в качестве противников для этих курсантов было, по сути, «уничтожением на более низком уровне». Не только проигрыш, но и потеря лишнего очка считалась позором. Теперь каждый балл в рейтинге был пощёчиной по их лицу, а 14 баллов Чу Сяо были особенно резки. Ни с точки зрения тактики, ни с точки зрения репутации они не могли этого игнорировать.

Цзи Синхань, очевидно, разгадал этот менталитет противника и был уверен, что 14 баллов Чу Сяо достаточно, чтобы сделать его главной приманкой в глазах врага.

После последовательного уничтожения двух отрядов, число людей, присланных противником в качестве подкрепления, будет только расти. И чем больше людей они направят сюда, тем меньше войск останется в других местах.

Таким образом, если найти способ грамотно сдержать оставшиеся силы, можно очень умно добиться оптимального момента для атаки на опорный пункт №3.

Бай Лумин мысленно восстановил карту учений и уже набросал в голове несколько предварительных маршрутов.

Конечно, отвлекающий манёвр — это первый уровень. Дальше нужно было посмотреть, будет ли второй уровень плана.

Но в любом случае, жёсткого боя, похоже, было не избежать.

Рационально Бай Лумин не хотел, чтобы на него возлагали такую важную миссию. В его жизни, в жизни «Красавчика Бая», он никогда не был дезертиром и не знал, как пишутся эти слова. Было бы лучше, если бы его просто тихо «устранили» в забытом углу. Теперь же он, с определённой точки зрения, стал ключом к этому противостоянию, что заставило его впервые почувствовать такое сильное моральное бремя.

Людам действительно не следует иметь слишком высокое чувство морали.

Подумав так, Бай Лумин молча посмотрел на потолок и вдруг почувствовал зависть.

Завидовал он чьей-то интеллигентной подлости, бесстыдству и отсутствию каких-либо моральных ограничений.

Трудно быть хорошим человеком.

*

Полчаса спустя в пункте снабжения вспыхнула третья волна столкновений.

Бай Лумин слышал, как крики боли раздавались один за другим в командном канале. Затем ещё два человека были «устранены», и связь полностью оборвалась.

Крик после попадания был слишком резким, и он невольно потёр уши.

Противник неожиданно высоко оценил их. На этот раз их окружали сразу три отряда, и, очевидно, они заранее договорились: один отряд впереди отвлекал огонь, а два других, используя сложный рельеф, медленно обходили их с флангов.

Теперь в отряде оставалось всего три человека. В условиях, когда их было мало, а врагов много, Бай Лумин мог только обеспечить, чтобы все враги с фронта были «скормлены» Чу Сяо, а

затем действовать по ситуации.

Спереди в реке добавилось ещё больше «трупов», но один отряд уже завершил обход и заходил сбоку.

Бай Лумин услышал, что кто-то прокрался к зданию, где они находились, и шаги становились всё отчётливее.

Он взглянул на входную дверь и предупредил по командному голосовому каналу:

— Они обнаружили нашу позицию.

Хэ Илань тихо «хмыкнул» в ответ.

Хотя в этот момент он его не видел, один только этот расслабленный конечный звук был достаточен, чтобы Бай Лумин представил выражение его лица, которое, вероятно, было таким, словно мимо проходит стая собак.

Картина была настолько живой, что Бай Лумин невольно странно улыбнулся.

— Почему ты там смеёшься?! — Тяжёлое дыхание Чу Сяо звучало как набегающий ветер. Он явно очень заботился о двух оставшихся товарищах и ответственно попытался успокоить их. — Я здесь со всеми покончил. Прячьтесь! Прячьтесь, я сейчас приду, только не погибайте, а-а-а-а!!!

— Понял, — ответил Бай Лумин, потирая ухо. — Не погибнем.

Вокруг стало тихо. В тишине был слышен скрип, режущий слух.

Отряд снаружи осторожно открыл дверь. Шаги были очень тихими, но по едва различимым звукам всё же можно было понять, что они разделились на две группы, и одна из них направилась прямо к лестнице.

— Кто-то пошёл наверх, — предупредил Бай Лумин по командному каналу, но сам стоял на месте и даже не пошевелился, не имея ни малейшего намерения оказывать поддержку.

Как гласит старая поговорка: откажись от желания помогать и уважай чужую судьбу.

Тем более, что его собственная судьба тоже была довольно нелёгкой.

Противник, очевидно, обыскивал комнату за комнатой, и всё ближе приближался к той, где

находился Бай Лумин.

Человек снаружи уже взялся за дверную ручку. Когда он нажал на неё, ржавый металл издал слабый скрип, и в тот момент, когда дверь должна была распахнуться, раздался громкий «Бах!».

Бай Лумин без предупреждения поднял ногу и со всей силы распахнул только что открытую дверь обратно.

Дверь со всей силы ударила противника по переносице, и раздался крик боли. Остальные, стоящие позади, среагировали быстро: как только товарищ упал, они тут же ворвались в комнату с винтовками, начав сильную подавляющую стрельбу.

Полный промах.

Бай Лумин не собирался затягивать бой. Продемонстрировав свой летающий пинок, он тут же отступил за дверной проём, используя естественное препятствие, чтобы избежать этой волны атаки. Затем, как только человек попытался обойти его, он сделал боковой кувырок и нырнул под деревянный стол. Прокатываясь мимо, он резко выставил ногу, сбив с ног нескольких противников, которые ещё не успели разобраться в ситуации.

Он быстро оценил положение нескольких человек, одним прыжком увеличил дистанцию, и к тому моменту, когда они успели среагировать, очередь пуль лишь подняла пыль у ног Бай Лумина.

Эта серия движений была выполнена плавно, как текущая вода, без лишних действий, но из-за неуклюжего вида Бай Лумина создавалось впечатление, что он в панике ошибочно и случайно разорвал их боевой строй.

Противник, видя, как этот курсант-новичок, спотыкаясь и ползая, разрушил их построение, почувствовал ещё большее раздражение. Видя, что Бай Лумину некуда деваться, они дружно подняли винтовки.

Солдат Нави, который первым получил удар дверью и всё ещё был ошеломлён, с покрасневшим носом стиснул зубы:

— Парень, ты хорошо прячешься! Посмотрим, куда ты теперь спрячешься!

Пока он говорил, всё прицеливание было направлено на Бай Лумина. Выстрелы, доносившиеся сверху, были единственным фоновым звуком в напряжённой атмосфере.

Бай Лумин стоял у окна, полностью открытый для огня противника. Он лишь загадочно опустил веки под прицельными красными лучами, которые враги включили специально:

— Тц, вот как мы играем.

Защитные костюмы на участниках боя могли нейтрализовать урон от винтовок для учений, и серьёзных последствий не было. Однако, в условиях, когда болевые ощущения передавались синхронно, ощущение балансирования между жизнью и смертью было вполне реальным. Поэтому во время таких учений, помимо неизбежных столкновений, участники, как правило, старались не целиться специально в высокочувствительные жизненно важные органы, такие как лицо.

Но теперь точка прицеливания этих людей из Нави была не на теле Бай Лумина, а точно на его глазах.

Очевидно, это было сделано намеренно.

И судя по их синхронным действиям, это, безусловно, не первый раз.

Бай Лумину было всё равно, но команда курсантов состояла из новичков, не прошедших системной подготовки. Испытать на этом этапе боль от «взрыва» глазных нервов, пусть даже с 60% болевым коэффициентом, реалистичное ощущение пронзённых глаз могло вызвать огромную психологическую травму.

В тяжёлых случаях это могло привести к тому, что они больше никогда не осмелятся ступить на поле боя.

Можно сказать, они действительно умеют развлекаться.

Бай Лумин, казалось, не обращал внимания на резкие прицельные лучи, медленно поднял веки.

Красные точки сосредоточились в центре его зрачков, словно разливая вокруг насыщенную, кровавую пелену.

Когда его губы изогнулись в двусмысленной улыбке, улыбки на лицах солдат Нави инстинктивно застыли. Непонятный холод, пробежавший по спине, заставил их невольно вздрогнуть. Будто нечистая сила заставила их нажать на спусковой крючок.

Раздался выстрел.

Как только плотный поток лучей должен был пронзить зрачки Бай Лумина, его тело без предупреждения отшатнулось назад, и в то же время его винтовка была чётко заряжена.

Он упал из окна прямо наружу, и в тот же момент несколько энергетических пуль вылетели из

ствола его винтовки.

Несколько выстрелов подряд.

Звук выстрелов и последовавшие за ним крики боли раздались почти одновременно. Силуэт, падающий из окна, глубоко погрузился в густую траву. Среди запаха земли и почвы вокруг снова воцарилась тишина.

Бай Лумин, лёжа на земле, видел, что на втором этаже тоже царила суматоха. Было шумно, но и притихло всё очень быстро.

Произошедшее было очевидно. Вероятно, некий господин Хэ тоже сделал свой выбор и пошёл на убийство.

— Я прибыл, я прибыл! Как вы, с вами всё в порядке?

Голос Чу Сяо раздался в коммуникаторе, постепенно перекрываясь со словами, звучащими рядом:

— Лу Мин, почему ты лежишь снаружи? Всё хорошо? Ты не ранен?

— Всё в порядке, — ответил Бай Лумин, принимая руку Чу Сяо, чтобы встать. Краем глаза он заметил мелькнувший силуэт в соседнем доме. — Капитан, раз уж вы пришли, задача по «зачистке» территории остаётся за вами.

Чу Сяо быстро согласился:

— Не волнуйся, я справлюсь.

После более чем десяти минут ожесточённого боя исход был решён.

Бай Лумин поднял голову и увидел спускающегося по лестнице Хэ Иланя.

На его лице по-прежнему не было много эмоций, но в этом спокойном взгляде всё же читалась холодность, которая обычно не проявлялась.

Бай Лумин приподнял бровь, сразу догадавшись, что произошло.

После короткого обмена взглядами Бай Лумин увидел, как Хэ Илань вошёл в комнату, а затем повернулся и окликнул Чу Сяо:

— Капитан, поможешь?

Чу Сяо посмотрел на него:

— Что?

Через мгновение «трупы» в комнате были аккуратно сложены у стены.

Стоя перед этим «складом трупов» Нави, Бай Лумин держал в одной руке винтовку, а другой ногой опирался на стул. Стволем винтовки он поочерёдно поднимал опущенные подбородки солдат и спрашивал Хэ Иланя с явным азартом:

— Раз уж мы бездельничаем, как думаешь, с кого начать избиение трупа?

Чу Сяо, который только что помог в качестве «носильщика трупов», всё ещё был немного озадачен текущей ситуацией:

— Во что это мы будем играть?

Бай Лумин с улыбкой позвал его:

— В избиение трупа. Это весело. Капитан, присоединяйся.

Глаза Чу Сяо загорелись:

— Весело?!

Солдаты заставы Нави: ...

Наконец, кто-то не выдержал и заговорил:

— Ты не смей! Ты собираешься нарушить правила учений?!

— Нарушить правила учений? — Бай Лумин рассмеялся, а затем медленно спросил, при этом выглядя довольно вежливо. — Покажи, пожалуйста, где в правилах учений чётко прописано, что запрещено «избивать труп»? Я помню, там есть правило, которое гласит, что «трупам запрещено говорить». Что, вы нарушаете правила?

Солдаты Нави: ...

— На самом деле, я бы не хотел так поступать, но вы сами спровоцировали того, кого не следовало, — Бай Лумин ткнул винтовкой в Хэ Иланя, и в его словах был явный намёк на угрозу. — Видите, у этого человека очень плохой характер. Вы целились в него, да ещё и таким способом. Если мы ничего не сделаем, а он вернётся в плохом настроении, то будет беда.

Хэ Илань: ...

Хэ Илань взглянул на Бай Лумина, но позволил ему продолжить выступление, принял на себя этот «большой горшок» и не стал отрицать.

После того, как Бай Лумин закончил, он не забыл ткнуть пальцем в себя:

— По совпадению, я тоже.

Его взгляд скользнул по присутствующим, и, казалось, он наконец вспомнил что-то, пристально посмотрев на одного из них:

— Это ты был тем, кто прицелился мне в глаза?

Тот не стал отрицать, но стиснул зубы:

— И что? Я не верю, что ты сможешь мне что-то сделать. Ты всего лишь курсант, который даже не является резервистом. Осторожнее, иначе тебя дисквалифицируют с последующих аттестаций!

Бай Лумин повторил его слова:

— Дисквалифицируют с аттестаций?

Противник подумал, что тот испугался, и хотел уже насмеяться, но тут услышал, как Бай Лумин, словно услышав нечто невероятно хорошее, сладко улыбнулся:

— Это просто замечательно!

Солдат Нави: ?

Он, должно быть, сошёл с ума от злости!

Солдат хотел что-то сказать, но тут перед его глазами внезапно появился чёрный ствол винтовки. Его глаза расширились, он хотел сопротивляться, но его поле зрения потемнело. Хэ Илань уже подошёл к нему и прижал обе его руки, заковав за спиной.

Бай Лумин удовлетворённо похвалил кого-то за молчаливое взаимопонимание:

— Спасибо.

Хэ Илань:

— Не за что.

Бай Лумин медленно присел перед солдатом.

Ствол его винтовки был на расстоянии всего в тридцать сантиметров и был точно направлен в глаз противника. На таком близком расстоянии солдат мог почти почувствовать остаточное тепло, исходящее от металлического материала после непрерывной стрельбы.

Невиданный ранее страх охватил сознание солдата.

На таком близком расстоянии он даже не мог представить, какое ощущение вызовет полностью искажённый нерв в тот момент, когда пуля пронзит его глазное яблоко.

Остальные, стоявшие рядом, пристально смотрели на них. Учитывая правила учений, они не знали, двигаться или стоять на месте.

Несмотря на то, что выражение лица Бай Лумина всё ещё было полуулыбкой-полуусмешкой, атмосфера вокруг постепенно становилась всё более гнетущей. Его обычно мягкие черты лица стали резкими, как лезвие.

Он держал в руке «орудие пытки», которым мог распоряжаться по своему усмотрению, но при этом вёл себя так, словно занимался самым обычным делом.

Солдат, на которого он смотрел, почувствовал, как невидимая рука схватила его за шею. Зрачки сузились от необъяснимого ужаса, и он почувствовал, что вот-вот сойдёт с ума:

— Почему вы все стоите на месте? Остановите его! Нет! Нельзя! Ты не можешь...

Тихий смешок:

— Отброс.

— Бах!

Не дав солдату и шанса снова заговорить, выстрел погрузил всё вокруг в мёртвую тишину.

Солдаты заставы Нави, которые только что вели себя так высокомерно, полностью замолчали.

Никто не ожидал, что противник осмелится открыть огонь. Невиданный страх охватил их. С лицами, серыми как пепел, они смотрели на Бай Лумина, словно на настоящего безумца.

На мгновение в комнате остались только тяжёлые, прерывистые вздохи солдата от сильного испуга.

И ещё, воздух постепенно наполнил сильный, зловонный запах мочи.

Бай Лумин взглянул на мутную лужу, растекающуюся у ног противника, и его обычно небрежный тон, поднявшись, прозвучал:

— Почему вы так не умеете шутить, старшие товарищи? Не волнуйтесь, винтовка не была заряжена.

Он посмотрел на присутствующих, игриво приподняв бровь:

— И вы действительно не знаете правил учений. Чего тут бояться? Учебная винтовка наносит 0% урона по болевому коэффициенту уже «мёртвому трупу». Даже если бы я захотел вас «избить», я бы не смог.

Он похлопал Хэ Илания по плечу, давая знак, что можно уходить, но, подойдя к двери, остановился, оглянувшись на полностью мокрые штаны солдата и оставил весьма заботливую фразу:

— Разберитесь с этим, пожалуйста. Потому что, ну... воняет ужасно.

<http://bllate.org/book/15772/1411052>